



Читайте романы
Настасьи Реньжиной:

«Бабушка сказала сидеть тихо»

«Сгинь!»

Настасья Реньжина

СГИНЬ!



МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р39

Редактор серии *Карина Буянова*

Оформление серии *Алексея Гаретова*

Реньжина, Настасья.

Р39 Сгинь! : роман / Настасья Реньжина. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-206757-0

В глуши северных лесов прячется от мира охотничья избушка. В ней зимуют мужчина и женщина, у которых не осталось ни прошлого, ни будущего. А по весне возле избушки неожиданно появляется некто третий...

Незванный гость бесцеремонно вторгается в незатейливый быт героев, опрокидывает устои, на которых держится их мир, вытаскивает давно позабытые скелеты из самых глухих шкафов. И главное, от нового жильца никак не избавиться, не выпроводить вон и даже не устранить физически — потому что он мертв.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Реньжина Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-206757-0

Пролог

Объявления о пропаже молодой женщины когда-то висели по всему городу. За несколько месяцев они отклеились, истрепались, поверх них наклеили другие объявления: поиск квартиры славянской парой и компьютерный мастер, что живет рядом, оказались куда важнее.

Еще одна женщина, не молодая и не старая, но превратившаяся в развалюху за эти месяцы, вот уже в который раз звонила в полицию:

— Есть какие-нибудь новости по нашей Оленьке?

Лейтенант вздыхал. Ему было жаль женщину, но она его уже достала. Новостей не было. Он прощался с ней дежурным «Мы позвоним», клал трубку и наверняка знал, что сейчас женщина начнет рыдать.

И она рыдала.

Смотрела на мужа, прикованного к постели недавним инсультом, — не выдержал. Смотрела в окно, смотрела на стены. Лишь бы не смотреть на шкаф. Там, в шкафу, фотография Оленьки в деревянной рамочке. Там Оленька улыбается, а на руках у нее годовалый сын. Внук.

Там на фотографии все хорошо.

НАСТАСЬЯ РЕНЬЖИНА

— Оля-Оля, как же так? — расходилась женщина. — За что ты меня оставила? Господи, дай мне знак, что она еще жива.

Но знака не было.

Молчаливый Господь не выдаст Оленьку, оставит ее мать страдать.

— Оленька... Степашка... — всхлипывала женщина. — За что мне все это? — вспоминала о муже и добавляла: — За что нам все это?

Муж согласно стонал.

— Сейчас-сейчас, — говорила женщина, начинала суесться, ухаживать за мужем, чтобы хоть как-то себя занять.

Не то захлестнет.

— Еще же и Андрей, — шептала она, поднося ложку с бульоном ко рту мужа.

Муж согласно моргал. Хотя оба они знали, что хоть Андрея и жалко, да не до него сейчас, не до него всегда. Своя дочь всегда важнее. Поэтому Андрея упоминали всегда вскользь, полушепотом, двумя-тремя словами, чтобы не обижать.

— Господи, как все это выдержать?!

Женщина включила телевизор.

Дикторша равнодушно чеканила:

— В лесу Вологодской области егерь обнаружил три трупа. Личности погибших, как и причины их смерти, не установлены. Ведется расследование.

— Час от часу не легче, — пробормотала женщина и выключила телевизор.

Им и своих бед предостаточно, нечего на чужие смотреть. Чего доброго, еще один инсульт у мужа случится.

* * *

Кто первым оказался у трупа — тот и убийца.

Кто из них был первым?

Она лежала на кровати, сжимала одеяло. Не могла пошевелиться, лишь кулаки хватали-отпускали ткань. Хватали. Отпускали.

«Дожить бы до конца зимы, — думала она. — Дотянуть. И можно будет уйти».

Сейчас никак — сейчас лес не пустит. Съест.

«Зачем я на это согласилась? Зачем за ним пошла?»
Меньше чем за полгода это уединенное место превратилось для нее в тюрьму.

Она уставилась глазами в потолок, хотя высматривать там было нечего. Просто с закрытыми страшнее. Она вытаскивала воспоминания одно за другим, но до того, как они нашли труп, ничего не случалось. В их лесной избушке посреди великих снегов однотипные дни тянулись друг за другом.

Менялась лишь погода.

Сначала была оттепель.

Припекало хорошо. Казалось, вот она — весна. Пришла. Проходи-садись, красавица. Пора бы уже — март по календарю давно настал.

Сосульки на крыше устроили прощальный перезвон: не знали бедняжки, что это не последний их день, скоро нарастут они с новой силой, заматереют вновь. Сейчас же, раззолоченные солнцем, пели свою грустную песню: «Кап-кап-кап. Как-как-так. Кап-кап-кап. Как-так-как-так».

Снег подтаял. Исчезал быстро, словно не намело за зиму сугробы чуть ли не по пояс. Вон там ступи — до земли провалишься. Из леса то и дело доносил-

НАСТАСЬЯ РЕНЬЖИНА

ся глухой шум: сосны сбрасывали с ветвей снежные одеяла — осточертели они им за зиму, тяжело. Эх, несчастные, скоро вас снова укроет-укутает, но хоть передохнули немного, и то хорошо.

— По воду не пойду, — сказала она мужчине осторожно, почти вопросительно, точно разрешения просила.

Он лишь кивнул в ответ.

К реке сейчас и впрямь спускаться опасно. Высоченные сугробы могут ухнуть и опасть в любой момент. Проглотят вместе с ведром и обратно не выплюнут. И вдруг река пойдет. Лед на ней толстый, еле прорубь сделали, сама речушка узкая, чуть ли не канава, но и такая может враз вырваться из ледяных оков, вылезти недовольно из берегов и захлестнуть студенной водой.

Да, по воду пока лучше не ходить.

Женщина решила устроить уборку: захотелось обновления. Весна на пороге, надо встретить как полагается.

Она выволокла тканые половики, раскидала по снегу, припорошила сверху — пускай освежаются. Простучала палкой, оставив на белых сугробах темные пятна пыли, развесила половики на заборе.

Подрядила на работу и мужчину.

— Пойдем, — мотнула головой. — Надо лавки перетаскать. Пол мыть буду.

Говорила вкрадчиво: стеснялась и просьбы своей, и того, что уборку вдруг затеяла.

Они зашли в избу.

Грубый сруб в один этаж, с грубой же крышей, покрытой дерном. По весне она обещала расцвести ярким и зеленым, превратить избу в хоромы лешего или

какой другой лесной нечисти. А пока это приземистый домишко, чуть сутулый под тяжестью снега, черный от времени и лесной сырости, мрачно зыркающий крохотными оконцами на лес.

Первой в дом зашла женщина. Тусклые волосы ее были стянуты в косу, которая доходила до середины спины. Впалые щеки, нахмуренные брови, грустные карие глаза под нависшими веками, серая кожа с ранними пигментными пятнами и несколько морщин — между бровями, на лбу, у уголков губ. Ничего привлекательного. Сплошная усталость и скорбь. Ей всего тридцать пять, хотя легко можно дать лет на десять-пятнадцать больше. Говорят, о возрасте женщины можно судить по рукам. У нее же руки до того огрубели от работы, что по ним узнаешь лишь то, сколько белья она перестирала в ледяной воде.

Женщина сняла с себя старомодную безразмерную фуфайку, под ней обнаружилось хрупкое, чуть ли не девичье тело — узкие плечи, маленькая грудь. Остальная одежда тоже ужасно старила ее: мешковатая юбка в пол, растянутая серая кофта. А перед кем здесь красоваться? Перед белками? Или перед соседом? Вот еще!

Он зашел следом. Скинул на пороге валенки, на правой ноге размоталась портянка, волочилась теперь, оставляя за собой мокрый след. Странная привычка носить портянки поверх носков. Ты уж выбирай — или одно, или второе. Он не выбирал: как хочу, так и ношу.

Мужчина прихрамывал: это врожденное, сколько себя помнит, всегда хромал. Может, конечно, он приобрел этот недуг в раннем детстве, но разве точность

НАСТАСЬЯ РЕНЬЖИНА

сроков избавит от проклятой хромоты? Да и он к ней привык. Приноровился с ней жить и даже бегать. Просто делал это чуть неуклюже.

Лицо мужчины непримечательное, не за что зацепиться. Обычные глаза, обычный нос, обычный рот. Смотрел на все угрюмо, не улыбаясь. И всего одна особенность — шрам во всю щеку. Выпуклый, красный, так и притягивает взгляд. Волосы с сединой на висках, нечесанные, залысин нет. Под ногтями — грязь.

Мужчина недовольно ворочал лавки, крихтел и поглядывал на женщину злобно, топал и грохал мебелью. Она же повернулась к нему спиной и пол принялась намывать. Спина ее то и дело вздрагивала, будто женщина вспомнила что. По избе разнесся запах хлорки. Закрой глаза — и ты словно в больнице.

Она и закрыла. Она и представила. Прижала к бедру мокрую тряпку. По голый ноге побежали грязные ручейки, но женщина словно не чувствовала их. Вот бы в больнице его найти, маленького, жалкого, в палате, в бинтах, с синяками под глазами. Почему не в больнице? Почему даже не в гробу?

Вот бы в больнице, все было бы не так и не здесь.

Уборка не обновила, не сделала весенним их жилище.

Приземистая снаружи, внутри изба была столь же неудобна. Стены и потолок давили, прижимали к полу. Оконца потемнели от печной копоти. Электричества нет. Вечером в избе царил уютный полумрак: мужчина развесил по потолку лампы-фонари на батарейках, но им не хватало сил осветить каждый уголок.

Одна большая комната. Все деления на коридоры, кухни и закутки — условные. Стены возведены мысленно.

Правый дальний от входа угол отгорожен красной занавеской на натянутой леске — там кровать женщины. Посреди комнаты неуклюжая печь, не большая, не маленькая, сделанная не по уму — как попало. Кирпичик не к кирпичику, цемент кой-как намазан. Зато-пишь ее, как поползет меж кирпичей едкий дым, а от топки вверх чернота. Женщина когда-то оттереть ее пыталась, да только размазала, хуже сделала.

Сразу у входа — череда самодельных вешалок, на них ворох тряпок. В углу, где больше окон, пристроился неуклюжий деревянный стол и две не менее неуклюжие табуретки. На столе — скатерка с мелкими голубыми и розовыми цветочками да чайник на подставке. Цветочки от времени поблекли, а сама скатерть покрылась дырками, но заменить ее нечем, приходится терпеть такую.

Далее — полупустой шкаф. Скорее, гроб для вещей. Машина, грубо сколоченная из необработанных досок, неровные полки, кривые ножки, кое-как собранные из тех же досок дверки. Шкаф самодельный, собирали его наспех и без любви. Этому уродцу и названия нет, но по привычке именовали шкафом.

На нем покоилось радио, ужасно старое, барахлящее и большую часть времени бесполезное. Иногда вдруг поймает волну, заиграет песню, становится чуточку веселее. А то притащились в такую даль без телефонов (условие мужчины), телевизора не имели, книг тоже, довольствовались друг другом (ха!), лесом и скукой.

Скука — то еще удовольствие.

Еще одна красная занавеска, на сей раз в другом углу, и кровать мужчины за нею же. Сундук — тоже

НАСТАСЬЯ РЕНЬЖИНА

самодельный из досок, тоже больше на гробину похож. И лавки, лавки, лавки вдоль стен.

Когда-то по стенам еще и нары были прибиты — постели в два этажа, но их в первые же дни разобрали, а доски на растопку бросили. Без нар стало уютнее.

Были также половики, старые, серые, затертые до дыр, но женщина их уже на улицу вытащила.

Лавки на место поставили, полы просушили. Стали весну ждать.

А та и не пришла.

Обманула.

* * *

Март выдался не весенним.

После оттепели поднялась такая пурга, какой за всю зиму не видали. Фонарь над входной дверью раскачался от ветра до громкого протяжного скрипа, невозможно слушать — ноет и ноет. Словно знал, что вот-вот беда случится. Словно оплакивал умершего. Словно предупреждал: «Высоко сижу, далеко гляжу, ярко свечу — открывайте ворота несчастью, оно уже на пороге».

Женщина выглянула в окно и не увидела ничего: белая снежная стена закрыла собою двор и лес. Зачем-то она побежала к другому окну, потом к следующему, но везде показывали одно — снег. Ветер уже пробрался в печную трубу и гудел там, запугать хотел.

«Ничегошеньки у тебя не получится!» — подумала женщина и хлопнула заслонкой.

Застынет печь — мерзни потом.

За полчаса сугробы намело по самые окна. Мужчина попытался открыть входную дверь, та двинулась на три сантиметра и встала — завалило. Через щелочку пурга тут же попыталась ворваться в дом: в трубу не пустили, так я тут войду!

В приоткрытой двери вьюга выглядела еще страшнее: снег раздирало ветром, он метался в разные стороны, затем поднимался столбом вверх и, усталый, бросался на землю.

Фонарь над входом заскрипел настойчивее и громче, будто завидев людей, умолял его спасти и забрать в дом.

Мужчина захлопнул дверь, мрачно глянул на снег в коридоре. Женщина намек поняла, сбегала за метлой, сгребла все в кучу, затем на совок. Долго стояла: думала, куда же выбросить. Свалила в таз. После присела к печи, где уже грелся сосед. Сунув в валенки руки, он задумчиво елозил ими друг о друга.

Женщина прижалась спиной к печи плотнее, еще ближе к драгоценному теплу, так, чтоб аж через лопатки жар проник в тело.

К ночи потушили свет — каждый фонарь пришлось отщелкать. Отправились каждый за свою занавеску.

Женщина осторожно разделась, оставив на себе лишь простенькую хлопковую рубашку и такую же незамысловатую юбку. Замерла, и дыхание задержала: ме-е-едленно положила снятое на стул возле кровати. Вот так, тихонечко, не брякнуть.

Осторожной такой она не всегда была. Когда-то шумно сбрасывала с себя одежду, раскидывала вещи по квартире, швыряла с ног сапоги, те разлетались по квартире, собирай потом поутру.

Когда-то — это задолго до прихода в лес. Сейчас она не могла себе этого позволить.

В самый первый день здесь, после того, как они обустроились, повесили занавески, отгородили себе по личному пространству и разошлись по углам, женщина принялась раздеваться. Не тем развеселым способом, а как обычный человек. Стянула свитер, тот шелкнул — синтетический. Села на кровать, потянула за носок, потеряла равновесие, чуть не шлепнулась. Ойкнула. Побродила взад-вперед, раздумывая, куда бы свое барахло пристроить.

Тут мужчина рывкнул из своего закутка:

— Что там развозилась, что собака шелудивая?

Женщина замерла. Потом резко сунула свитер и носки под матрас и улеглась. Остальное снимать не стала, так спала и шелохнуться боялась.

На следующий вечер повторилось. На сей раз мужчина сравнил ее с кошкой, что блох без конца вычесывает. Что за желание такое — уподобить ее животному?

С тех пор женщина раздевалась медленно, тихо, боясь потревожить чуткий слух соседа.

Сам мужчина засыпал моментально. Иногда не раздеваясь и не расстилая постель. Зачем? Так сойдет. Почти сразу начинал храпеть. Громко, раскатисто, аж крошечные оконные стекла дребезжали, им вторила посуда в полупустом шкафу.

Поначалу женщина не могла заснуть от этого заполняющего всю избу храпа, а если и начинала дремать, то часто видела сны о землетрясениях и взрывах, иногда вскакивала посреди ночи, но вскоре привыкла. Даже больше — теперь не могла уснуть без привычного «Хрр-р-р-р-р-р-р-р».

* * *

Наутро ветер стих. Снег тоже присмирел. Он медленно падал на землю крупными хлопьями.

Такую зиму женщина любила, хотя за четыре месяца эта северная злая зима ей осточертела. Таких вот безветренных и по-снежному красивых дней было всего ничего. Два, может, три.

И вот сегодняшний.

Проснулись одновременно. Молча прошли к умывальнику, каждый со своим полотенцем на плече.

По осени, когда они только заселились в эту избу, мужчина приспособил кособокую пристройку под душевую и туалет. Здесь было холоднее, чем в доме, намного холоднее, но все же лучше, чем ходить умываться на улицу.

Туалета изначально здесь тоже не было, даже деревянной будки где-то снаружи с оконцем в виде сердечка и с пугающей дырой в полу, с оранжевыми сосульками мочи и отсыревшей бумагой.

За уборную мужчина принялся чуть ли не в первую очередь. Возился долго, особенно с выгребной ямой. В итоге не обошлось все же без злосчастной дыры в полу, но теперь хотя бы не нужно было тащиться через двор и прятаться за соснами для того, чтобы справиться нужду.

Душ вышел спартанским.

Под него пристроили старую лейку — ее дырчатый кончик. Сверху мужчина подвесил ржавый бак — больше непонятная емкость. Уж что нашлось. Вода в таком баке остужалась быстро, заканчивалась тоже быстро — хватало только на то, чтобы наспех намы-